

БОРИС
СОКОЛОВ

Память о трагедии Бабьего Яра: стихи, проза, музыка, кино, политика

Бабий Яр. Рефлексия

ПАВЕЛ ПОЛЯН

М.: Зебра Е, 2022. – 606 с.

*Борис Вадимович
Соколов (р. 1957) –
историк, филолог,
член ассоциации ПЭН-
Москва.*

Главная тема книги историка и географа, специалиста по истории Холокоста Павла Поляна (он же исследователь творчества Осипа Мандельштама и поэт, публикующийся под псевдонимом Павел Нерлер) – репрезентация трагедии в Бабьем Яре в литературе и искусстве. Автор разделил свою книгу на две части. Первая представляет собой антологию стихотворений, в том числе переведенных с идиша и с украинского, которые посвящены Бабьему Яру. Вторая часть – сборник очерков самого Поляна, посвященных судьбам переживших и не переживших Холокост поэтов Киева и отражению темы Бабьего Яра в литературе, музыке, живописи, кинематографе, телевидении и монументальном искусстве. Это позволяет взглянуть на трагедию Бабьего Яра как на феномен общественного и культурного сознания, в чем-то общий для евреев и других народов, а в чем-то и конфликтный. В книге Поляна особое внимание уделено противоречиям между советским официальным дискурсом, важным элементом которого был ползучий,

**НОВЫЕ
КНИГИ**

полускрытый государственный антисемитизм, и дискурса неофициального, осуждающего антисемитизм и свойственного значительной части советской интеллигенции независимо от национальности. Также в рецензируемом издании речь идет о частичном несовпадении еврейского и украинского восприятия трагедии Бабьего Яра.

Стихотворения антологии размещены в хронологическом порядке по десятилетиям, от 1940-х до 2020-х. Среди авторов как известные поэты вроде Ильи Сельвинского, Николая (Мыколы) Бажана, Пауля Целана, Давида Самойлова, Наума Коржавина, Бориса Чичибабина, Евгения Долматовского, Переца Маркиша, Бориса Слуцкого, Евгения Евтушенко, Александра Галича, Андрея Вознесенского, так и те, кто известен главным образом в связи со стихами, посвященными Бабьему Яру и Холокосту – вроде Якова Гальперина, Ольги Анстей и Людмилы Титовой. О драматических и трагических судьбах трех последних в период германской оккупации Киева Полян рассказывает в отдельном очерке. В другом тексте он подробно анализирует судьбу знаменитого стихотворения (или поэмы) Евтушенко «Бабий Яр», реконструируя ход борьбы поэта с цензурой: на какие уступки ему приходилось идти, умело сочетая фронду с лояльностью, и как была воспринята публикация текста советскими читателями. Полян хорошо показывает, что уже первые публичные оппоненты евтушенковского «Бабьего Яра» – поэт Алексей Марков и критик Дмитрий Стариков – пытались противопоставить Холокосту многомиллионные жертвы, принесенные исключительно «русским народом» в борьбе с гитлеровской агрессией. Автор подчеркивает, что главная претензия Старикова к Евтушенко – «неуместный акцент на еврейской и только еврейской трагедии, что умаляет роль жертвенного русского народа в борьбе с фашизмом и оскорбляет память всех погибших советских людей» (с. 371). Заметим, подобный подход не редок в России и сегодня. Говоря о второй редакции «Бабьего Яра», созданной в декабре 1962 года, Полян справедливо подчеркивает:

«С мученичества евреев и неприемлемости антисемитизма в “Бабьем Яре – 1961” акцент в “Бабьем Яре – 1962” действительно перенесен на страдания всех советских народов и на героизм русских, ради спасения еврейки не щадящих живота своего» (с. 396).

При этом редакция 1962 года при жизни Евтушенко так и не была напечатана – и впервые публикуется полностью в книге Поляна (с. 392–396). Из нее в текст первой редакции Евтушенко перенес только одну строчку: «лабазник избивает мать мою» – вместо первоначального «насилует лабазник мать мою». В тексте Евтушенко, включенном в антологию, По-

БОРИС СОКОЛОВ

ПАМЯТЬ О ТРАГЕДИИ
БАБЬЕГО ЯРА...

лян вполне оправданно поместил версию со словом «насилует» (с. 111), так как «избивает» было явной уступкой цензуре. В публикации в «Литературной газете» Евтушенко использовал именно «избивает» – но Полян в обоснование варианта «насилует» ссылается на публичные чтения поэтом первой редакции стихотворения (с. 29, примеч. 1).

Полян публикует извлеченные из Российского государственного архива литературы и искусства тексты стихотворного ответа Евтушенко Алексею Маркову «Марков к Маркову летит, Марков Маркову кричит», где последний сравнивается с черносотенцем Николаем Марковым (Вторым), а также письма в поддержку Евтушенко, отправленные в газету «Литература и жизнь» историком и писателем Даниилом Альшицем. Альшиц пишет:

«Если бы г-н Марков стал развивать свои “патриотические” взгляды у нас в ополчении в 1941 году перед теми “российскими стриженными ребятами”, память которых он берется защищать, – они отнеслись бы к нему, как к фашистскому агитатору, даже если бы он эти взгляды прикрыл парочкой антифашистских фраз, как он это делает в своем ответе» (с. 422).

Интересно и другое письмо, опубликованное в рецензируемой книге, на этот раз антиевтушенковское, которое 7–9 октября 1961 года сочинил некто Александр Егоров от имени «истинно русских людей». Полян предполагает, что это скорее всего псевдоним. Возможно, его натолкнул на эту мысль стиль послания, столь утрированный, что письмо можно принять за антиантисемитскую пародию, написанную, например, тем же Даниилом Альшицем, большим любителем мистификаций. Я же не исключаю, что автор письма подписался настоящими именем, отчеством и фамилией и что в действительности это был Александр Николаевич Егоров (1904–1988) – советский государственный и партийный деятель, выпускник Института красной профессуры и убежденный сталинист. В 1946–1950 годах Егоров – первый секретарь Брянского областного комитета ВКП(б), а в 1950–1955 годах – первый секретарь ЦК Компартии Карело-Финской ССР. Можно предположить, что после смерти Сталина Егоров продолжал пользоваться поддержкой Георгия Маленкова, однако после смещения последнего в январе 1955-го с поста председателя Совета министров СССР карьера Егорова закатилась, он был понижен до заместителя председателя Исполнительного комитета Омского областного Совета, оставаясь на этом посту вплоть до 1961 года, когда стал пенсионером союзного значения¹. Свое письмо против Евтушенко в редакцию

1 Возможно, что уход Егорова на пенсию приблизила трагедия, происшедшая в Брянске 25 апреля 1959 года, когда обрушился кинотеатр «Октябрь», 46 человек погибли, 278 были ранены. Следствие установило, что

«Литературной газеты» (судя по его объему оно явно не предназначалось для публикации) Егоров писал, уже находясь на пенсии. В частности, там он пишет:

БОРИС СОКОЛОВ

ПАМЯТЬ О ТРАГЕДИИ
БАБЬЕГО ЯРА...

«Большая роль, сыгранная когда-то вашей газетой (1952 г.) в “процессе о врагах”, затем известная всем русским людям борьба вашей газеты против “космополитов”, которая помогла убрать с культурного фронта (научные институты, школы, редакции газет, политпросвет. организации, ВУЗы и т.д.) многие десятки тысяч “космополитов”, проникших в эту среду в 20-х и 30-х годах, и, наконец, защита уже в последние годы авторитета нашего национального писателя Шолохова, оскорбленного Нобелевским комитетом в пользу выходца из этих же “космополитических” кругов мало кому известного Пастернака и т.д., должна была, казалось, служить некоторой гарантией того, что стихотворения подобного рода, явно навязанные мировым сионизмом, не должны были появляться на страницах вашей газеты».

А стихотворный ответ Алексея Маркова Егоров, напротив, оценил очень высоко:

«Нам, старикам, прямо послышался в этом “ответе” мужественный, национальный голос его однофамильца, известного Маркова II (депутат Государственной Думы от Курска), который так же часто говорил совершенно открыто о том, что “он не успокоится, пока хоть один «космополит» будет топтать русскую землю»» (с. 442).

Такая переключка через полстолетия двух Марковых демонстрирует удивительную устойчивость русского великодержавного национализма – несмотря на 45-летнее внешнее торжество социализма. Полян называет текст Егорова, для которого стихотворение Евтушенко стало только поводом, «платформой национал-большевизма, нарисованной с националистической, а не с большевистской стороны» (с. 440). При этом гипотезу Поляна, что это письмо – пародия, ставят под сомнение сами предложения «истинно русского человека», которые тогда вполне могли быть реализованы! Вряд ли кто-то стал бы шутить подобным образом, прекрасно понимая, что пародию могут воспринять всерьез:

«Необходимо через “Союз писателей” разделить этого Евтушенко как следует, да через “Правду”, и поручить кому-либо из более

причиной трагедии стало грубое нарушение строительных норм и правил. Кинотеатр возвели всего за девять месяцев, чтобы открыть его 4 декабря 1949 года – ко дню сталинской Конституции и накануне сталинского 70-летнего юбилея. Штурмовщина, которую устроил Егоров, сказалась на качестве строительства. Отступления от проекта и использование низкокачественных строительных материалов привели к уменьшению несущей способности конструкций – а это стало причиной обрушения здания менее, чем через десять лет. Зато Егоров в 1949-м, в качестве поощрения за досрочный ввод в строй крупнейшей в области кинотеатра, был назначен главой партийной организации Карело-Финской ССР. См.: *Брянску напомнили о трагедии 1959 года* // Брянские новости. 2017. 26 апреля (www.bragazeta.ru/news/2017/04/26/bryansku-napomnili-o-tragedii-1959-goda).

известных “подручных” написать такую статью, [из] которой всему народу стало бы ясно, что партия решительно осуждает эту сионистскую вылазку и стоит на совершенно определенных позициях, защищаемых тов. Марковым. “Союз писателей”, который смог заставить сотни советских писателей подписаться под статьей, осуждающей роман Пастернака, которого никто из них даже не читал, сможет легко это организовать, тем более что у нас есть достаточное количество известных имен, готовых разделаться с “космополитами” (даже без гонора!)».

В то же время Александр Егоров (или тот, кто скрывался под этим псевдонимом) во многом оказался провидцем, предсказав, в частности, «бархатные» революции в странах Восточной Европы рубежа 1980–1990-х:

«Эмигрантским кругам необходимо бороться за мирные отношения с Советской страной и учесть, что страна ни в каком отношении (политическом, хозяйственном, идеологическом) совершенно не подготовлена к такому катаклизму, как новая война, и действующий у нас режим (как в свое время в 1917 г.) может взорваться – и притом очень быстро, и никто не может знать, что может здесь произойти. Вряд ли удержится и несколько дней в этом испытании и Варшавский пакт: никогда в жизни немчура не будет драться между собой; поляки и мадьяры нас продадут немедленно, и все “наши” правительства в этих (возможно, и других) демокр. странах не продержатся и 72 часов». (с. 442).

Далее Полян отмечает, что Василий Гроссман был «первым прозаиком, непосредственно обратившимся к теме Бабьего Яра». Он приводит обширную архивную цитату из неопубликованного фрагмента романа «За правое дело» («Сталинград»), где дана эпическая картина отступления Красной армии из Киева в сентябре 1941 года (с. 459–461). Здесь важна концовка, показывающая отношение некоторых киевлян-украинцев к грядущей немецкой власти:

«В эти минуты все ощущали с телесной очевидностью, что каждый шаг на восток уходящих советских войск роковым образом связан с движением еще невидимых немецких колонн. Они надвигались все ближе, методично, шаг за шагом, и каждый шаг уходящих к Днепру красноармейцев приближал к Киеву дивизии Гитлера. И словно вызванные приближающейся черной силой, в переулках, темных подворотнях, в гулких дворах появились новые люди, их быстрые, недобрые глаза усмехались смелей, их шепот становился громче, они, прищурившись, смотрели на проводы, готовились к встрече. И здесь, проходя переулком, Крылов впервые услышал, потом не раз слышанные им слова: “шо було – то бачили, шо буде – побачимо”».

С этим перекликается фрагмент из новеллы киевлянки Н. Павловой «Киев, войной опаленный», описывающей трагедию Бабьего Яра и опубликованной в 1952 году в нью-йоркском «Новом журнале»:

БОРИС СОКОЛОВ
ПАМЯТЬ О ТРАГЕДИИ
БАБЬЕГО ЯРА...

«Страшная судьба евреев была неожиданным ударом, первым жестоким разочарованием в благородстве “освободителей”. Позже судьба, не скупясь, усеяла весь наш путь, пройденный при немцах, такими разочарованиями, превратившими многих людей, страстно ждавших новых варягов, в их ярых противников, а часто и в активных врагов. Все это случилось позже, когда немцы уже полностью развернулись в своей бессмысленной жестокости, тупой самоуверенности, жадности и совершенном непонимании психологии советского человека» (с. 463).

Еще один сюжет книги Поляна – драматическая история 13-й симфонии Шостаковича, первая часть которой написана на текст евтушенковского «Бабьего Яра», и еще нескольких стихотворений поэта. Исполнение симфонии приходилось пробивать сквозь сопротивление партийного аппарата с большим трудом, особенно в Украине. Показательно, что лучший бас СССР того времени Борис Гмыря, на которого Шостакович возлагал большие надежды, отказался исполнять «Бабий Яр», проконсультировавшись с партийными инстанциями в Киеве (с. 501–502). На премьере симфонии в Москве в декабре 1962 года его удачно заменил мало кому тогда известный Виталий Громадский (с. 502). В Киеве же симфонию впервые исполнили только в 1988-м, во время перестройки.

В книге Поляна немало и дискуссионных моментов. Например, он утверждает:

«То, как при Хрущеве “любимы и уважаемы” были в освобожденном Киеве и на Украине в целом чудом уцелевшие евреи, хорошо известно. Вот его [Хрущева] слова: “Но мы объективны: евреи в прошлом совершили немало грехов против украинского народа. Народ ненавидит их за это. На нашей Украине нам не нужны евреи. И я думаю, для украинских евреев, которые пережили попытки Гитлера истребить их, было бы лучше не возвращаться сюда... Лучше бы они поехали в Биробиджан... Здесь Украина. И мы не заинтересованы в том, чтобы украинский народ толковал возвращение советской власти как возвращение евреев”» (с. 387–388).

В качестве источника этой цитаты приводятся книга Михаила Мицеля «Евреи Украины в 1943–53 гг.: очерки документированной истории» (Киев: Институт иудаики, 2004. С. 26–27) со ссылкой на работу Соломона Шварца «Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны (1939–1965)» (Нью-Йорк, 1966. С. 257–258) (с. 388). Однако указанные издания не являются

первоисточником данной цитаты. Между тем в книге Мицеля есть ссылка на первоисточник, хотя и не совсем точная:

«В вышедшей в 1956 г. во Франции книге “Трагедия евреев в СССР” журналистом Леоном Ленеманом были опубликованы свидетельства польской коммунистки Марии Хельминской, пережившей в Киеве, благодаря “арийским” документам, весь период оккупации и остававшейся здесь еще около года после освобождения. В начале ноября 1944 г. на собрании редакции и сотрудников Польского Бюро печати в Москве она рассказала о пережитом ею в Киеве.

До начала Второй мировой войны Хельминская отсидела несколько лет в польской тюрьме за коммунистическую деятельность. Во время оккупации Киева она была связана с подпольем, а после освобождения города была принята на работу в секретариат Н. Хрущева с условием, что ее анкетные данные будут уточнены позже. После реального заполнения анкеты она была уволена. Потрясенная разъяснениями знакомых, что, согласно негласному указанию, на Украине предполагается ограничение приема евреев на ответственные должности, Хельминская обратилась к Хрущеву лично. Их разговор носил напряженный характер. Хельминская разрыдалась, на что Хрущев сказал ей:

“Я понимаю, что вы, как еврейка, рассматриваете этот вопрос с субъективной точки зрения. Но мы объективны: евреи в прошлом совершили немало грехов против украинского народа. Народ ненавидит их за это. На нашей Украине нам не нужны евреи. И я думаю, для украинских евреев, которые пережили попытки Гитлера истребить их, было бы лучше не возвращаться сюда... Лучше бы они поехали в Биробиджан... Ведь мы здесь на Украине. Понимаете ли вы? Здесь Украина. И мы не заинтересованы в том, чтобы украинский народ толковал возвращение советской власти как возвращение евреев. Все, что я могу для вас сделать, – это вернуть вам анкету. Напишите другую без упоминания о вашем еврейском происхождении. Воспользуйтесь вашими фальшивыми документами, по которым вы чистокровная украинка”»².

Таким образом, первоисточником хрущевской цитаты является книга «Трагедия евреев в СССР» журналиста Леона (Арье) Ленемана (1909–1987) – польского еврея, с 1947 года жившего в Париже. Только вышла она не в 1956-м, а в 1959 году³. Российский исследователь Борис Фрезинский считает эту работу очень ненадежным источником:

«Познакомившись с книгой Ленемана “La tragédie des juifs en URSS” (“Трагедия евреев в СССР”), убедился, как часто там приводятся без каких-либо ссылок на источник различные байки доктора Шошкеса и прочих “знатоков” советской жизни, более того – даже анонимным слухам придается значение правдивого факта. [...]

2 Мицель М. *Евреи Украины в 1943–53 гг.: очерки документированной истории*. Киев: Институт иудаики, 2004. С. 26–27.

3 LENEMAN L. *La tragédie des Juifs en U.R.S.S.* Paris: Desclé de Brouwer, 1959. P. 174–182.

“La tragédie des juifs en URSS” – книга по истории, но, выражаясь деликатно, книга журналистская (в худшем значении этого слова). [...] Против команды лжецов (Турнера, Шошкеса и Ленемана) никто никаких процессов не возбуждал»⁴.

БОРИС СОКОЛОВ
ПАМЯТЬ О ТРАГЕДИИ
БАБЬЕГО ЯРА...

Далее Фрезинский вполне убедительно доказывает, что информация Ленемана, в том числе связанная с Ильей Эренбургом и еврейскими поэтами – фигурантами процесса Еврейского антифашистского комитета, – не соответствует действительности. Поэтому Полян следовало бы оговориться, что цитата Хрущева приводится со слов Марии (Малы) Хельминской, помещенной в книге Леона Ленемана, и что подлинность ее весьма сомнительна. В пересказе же соответствующего места книги Ленемана в книге «Русско-еврейский диалог» белоэмигранта А.И. Дикого (Занкевича), известного антисемитскими взглядами и считающего хрущевскую цитату подлинной, мы узнаем, что Мария (Мала) Хельминская, возглавлявшая Польское общество культурной связи с заграницей, рассказала Ленеману о словах Хрущева в парижской больнице в 1955 году – перед тем, как вернулась в Польшу, где вскоре и умерла⁵. Таким образом, цитата Хрущева была обнародована уже после кончины Хельминской, которая, следовательно, не могла ее ни подтвердить, ни опровергнуть.

Если же обратиться к содержанию хрущевской цитаты, то вызывает большие сомнения, что в секретариат Хрущева, в то время – главу компартии Украины и члена Политбюро ЦК ВКП(б) – могли без проверки взять женщину, несколько лет находившуюся в оккупированном Киеве: органы госбезопасности наверняка заподозрили бы в ней немецкого агента. И еще более странным выглядит совет Хрущева Хельминской продолжать жить по тем же фальшивым документам, благодаря которым она уцелела в период германской оккупации, когда вынуждена была скрывать свое еврейство.

Комментируя фильм Сергея Лозницы «Киевский процесс», Полян утверждает:

«Во время казни веревка на шее подполковника Труккенброда оборвалась. Вопреки неписаным правилам жизнь ему не даровали, а нашли новую веревку и еще раз повесили. Еще деталь: один из молодых казненных офицеров, по свидетельству Я. Бердичевского,

- 4 ФРЕЗИНСКИЙ Б. *Почему и как три польских еврея оклеветали Илью Эренбурга (факты и размышления). Часть 1. Откуда вырос главный сюжет, или Все му виной статья Леона Ленемана в этом журнале // Народ книги в мире книг. 2015. № 118 (http://narodknigi.ru/journals/118/pochemu_i_kak_tri_polskikh_evreya_oklevetali_ilyu_erenburga/); Часть 2. Подробности о клеветниках Турнере и докторе Шошкесе, а также о сочинителе Ленемане // Народ книги в мире книг. 2015. № 119 (http://narodknigi.ru/journals/119/pochemu_i_kak_tri_polskikh_evreya_oklevetali_ilyu_erenburga_fakty_i_razmyshleniya_2/).*
- 5 ДИКИЙ А.И. *Евреи в России и в СССР*. Новосибирск: Благовест, 2005. С. 443–444.

тогда мальчишки, нарушил регламент казни иначе – оттолкнул солдата с петлей, сам накинул ее себе на шею и шагнул с грузовика» (с. 556).

Никаких «неписанных правил» насчет того, что сорвавшегося с виселицы нельзя вешать повторно, не существовало, и обычно в таких случаях процедуру казни повторяли. Существовало лишь поверие, что полагается миловать тех, у кого оборвалась веревка. Однако сохранившиеся кадры казни приговоренных на Киевском процессе показывают, что все двенадцать были повешены именно с первого раза. Если бы кто-нибудь сорвался, то повторная казнь заняла бы достаточно много времени. Пришлось бы поднимать упавшего с земли, вновь подгонять грузовик под виселицу, ставить на него упавшего, накидывать ему петлю на шею, а затем вновь отгонять грузовик. Этого инцидента не могли бы не запомнить по крайней мере те из присутствовавших на площади Калинина, кто стоял в первых рядах. Эпизод же с немецким офицером, будто бы самостоятельно накинувшим петлю на шею и спрыгнувшим с грузовика еще до того, как тот отъехал, тоже выглядит неправдоподобным. Руки у всех приговоренных были связаны за спиной, и накинуть петлю самостоятельно они не могли. И кадры кинохроники подтверждают: каких-либо происшествий такого рода не было.

Полян полемизирует с фразой в «Википедии»: «возможность установить памятник [в Бабьем Яре. – Б.С.] появилась на Украине только после распада СССР». Он пишет:

«Это и неточность, и лукавство. Неточность в том, что возможность эта появилась (точнее, была отвоевана) еще до этого распада: хоть номинальная независимость Украины и была провозглашена 24 августа, сразу же после провала путча в Москве, сам же распад СССР как геополитическое событие случился в декабре, после Беловежской пуши, когда “Менора” уже несколько месяцев как стояла [установлена 5 октября 1991 года. – Б.С.]» (с. 583).

Но, на мой взгляд, геополитическим событием было как раз подавление августовского путча, что и вызвало провозглашение независимости Украины и предопределило распад СССР. В оставшиеся месяцы до своей отставки Михаил Горбачев уже ни на что не влиял.

По мнению Поляна, «причисление [...] оуновцев к жертвам Бабьего Яра – это даже не историческая неточность и не бестактность даже, а намеренная провокация и наглый рейдерский захват чужой исторической памяти по липовым или отсутствующим вексялям» (с. 586). Автор полемически восклицает: «Освободившиеся, как и евреи, от советского диктатора,

новые “молодые националисты” – продолжатели идеологии и дела ОУН–УПА – восприняли обретенную всеми свободу как собственное право на безнаказанный беспредел и с радостью вернулись к тактике агрессии и практике вандализма!».

Мне представляется, что с этими оценками никак нельзя согласиться. Например, в урочище Сандармох в Карелии, в мемориальном комплексе жертвам коммунистического террора, отдельные памятники посвящены разным категориям жертв: узникам Соловков (главный), священнослужителям, украинцам, полякам, литовцам и так далее. Так и в Бабьем Яре сейчас – фактически наряду с главным мемориалом, посвященным еврейским жертвам, – есть ряд других, в том числе советским военнопленным, украинским националистами (замечу, ОУН к массовым убийствам евреев 29–30 сентября 1941 года не имеет никакого отношения), убитым нацистами детям, цыганам, расстрелянным киевским футболистам – участникам «матча смерти» и другим. Ясно также, что после 24 февраля 2022 года Бабий Яр на многие десятилетия останется еврейским и украинским, но не российским мемориальным комплексом, хотя русские писатели, уроженцы Киева, Виктор Некрасов и Анатолий Кузнецов внесли огромный вклад в сохранение памяти об этой трагедии. А вот улицы, названные их именами, в Киеве останутся, причем улица Виктора Некрасова появилась 10 ноября 2022 года, в самый разгар боевых действий в Украине. Полян называет нынешние события «российско-украинской бедой» (причем начинает ее отсчет не с 2022-го, а 2014 года) (с. 599) и «подлинной геополитической катастрофой» (с. 600).

БОРИС СОКОЛОВ

ПАМЯТЬ О ТРАГЕДИИ
БАБЬЕГО ЯРА...